

В. Ф. МАРЦИНКОВСКИЙ

СМЫСЛ СТРАДАНИЯ

В. Ф. МАРЦИНКОВСКИЙ

А. Козе 9/91
§ 70

СМЫСЛ
СТРАДАНИЯ

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

В. Ф. МАРИНКОВСКИЙ

1979
232

СМЫСЛ
СТРАДАНИЯ

Нам интересно узнать ваше мнение об этой книге.
Напишите нам по адресу: Licht im Osten, Postfach 1340
D-7015 Korntal, West-Germany

© 1989

Страдают все люди

Каждый из нас может сказать о себе слова, которыми начинается третья глава Плача Иеремии: „Я человек, испытавший горе!“.

И потому излагаемая мною тема, надеюсь, близка всякому.

Еще Достоевский сказал, что „земля от коры до центра пропитана кровью и слезами“; этим он подтвердил слова апостола: „Вся тварь стенает и мучится донныне“.

А в последние годы, когда по всей земле прошел меч, огонь, голод и смуты – страдание еще более охватило человека. Идя по улице, так редко встретишь радостную улыбку или услышишь бодрый разговор. О, конечно, бывает и улыбка на человеческих лицах, но как много в ней горечи, насмешки и притом над самим собой! А сколько незримого горя таится под этими на вид спокойными лицами и за стенами этих нарядных домов! Люди предпочитают страдать молча. Иногда человек улыбкой *заслоняется*, чтобы не заметили его горя, потому что человек всегда стремится, если не быть, то казаться счастливым. А сочувствие, часто неискреннее или бесполезное, только раздражает его. Поневоле вспоминается недавняя смерть всемирно-известного клоуна Макса Линдера (1925), который веселил толпу неистощимым юмором и в то же время, как оказалось, таил в себе глубокую язву страдания, приведшего его в конце концов к самоубийству.

Мы живем в такие дни, когда померкло, если не солнце, то человеческое лицо: так много скорби отра-

жает его чело, его преждевременные морщины и седина!

Страдают все: и те, кто много зла сделал, и невинные дети, и молодежь, не успевшая еще вкусить жизни.

Страдают хорошие люди, и, чем лучше человек, тем глубже его скорбь. „Сумма страданий души пропорциональна степени ее совершенства“, – говорит Амиэль в своем дневнике. А Достоевский утверждает, что „великие люди испытывают великую грусть“.

Люди страдают телом – от голода, холода, болезней, непосильного труда; страдают душой – от самих себя и друг от друга, от клеветы и зависти; страдают изо дня в день от соседства с ближними, имеющими несчастье обладать так называемым тяжелым характером; исходят в тоске одиночества и непонятости; а сколько таких, которые отравлены горечью разочарования, муками обманутой любви или скорбью, вызванной утратой близких!

Кому из нас не знаком сковывающий волю ужас бесцельности и ужас бессилия в стремлении побеждать зло и поступать по правде? Сюда относятся также удручающие, особенно художников, *муки невыразимости* при тщетных усилиях найти слово или вообще образ крассты для воплощения своего идеала.

Сколько тяжких минут причиняет нам сознание своего несовершенства, а также и несовершенства мира, так называемая мировая скорбь (*Weltschmerz*), давшая так много своих выражений в искусстве и философии, начиная от Соломона („Суета сует и все суета“) и кончая Байроном, Шопенгауером, Леопарди! Во всей мировой музыке, в тихих аккордах арфы и в пении

скрипки – не звучит ли выразительнее всего тоскующая элегия, скорбь человека и всей твари?

Недаром А. Толстой признает, что Бетховен „подслушал“ звуки своего похоронного марша в рыданиях природы.

И едва ли не самое большое страдание подчас бывает в отсутствии страдания (так же как самым тяжким трудом является отсутствие труда). Жуткой пустотой, ледящей душу, веет от ужаса бессцельности, рождающего худшее из страданий – скуку, тяжкую, как это ни странно, именно тем, что нет в ней страдания, ни боли, ни горечи, ни тоски – но одна беспредметная пустыня, беспросветная, серая мгла угнетает сознание.

Ведь не страдать это значит не участвовать в жизни, в ее *страде*, быть „лишним“ и никчемным, обреченным на безработицу в самом жестоком смысле этого слова.

И там, где, повидимому, нет страдания – в мещанском самодовольстве и сытости, незримо и властно царит именно эта жесточайшая кара, тяготеющая над человеком – скука.

Острые и жало темы о страдании есть вопрос о его смысле. Он рождает, так сказать, „страдание о страдании“. Человек способен на героические усилия, если он *верит* в ценность, цель, смысл своей жертвы. Но отнимите у него веру в смысл его страдания, и у него опустятся руки даже для повседневной работы.

В самом деле, имеет ли страдание смысл?

Имеет ли оно достаточную, объясняющую его *причину* и оправдывающую *цель*?

Ведь иначе действительно весь наш „прогресс окажется нестоющим одной слезы ребенка“.

Однажды спросили Будду: от чего происходит страдание? Он ответил рассказом. Охотник в лесу упал, пораженный стрелой. Стал ли он или окружающие спрашивать, откуда стрела? Или из чего она сделана? Конечно, нет. Но прежде всего его друзья постарались извлечь стрелу.

Так и мы смертельно ранены стрелою страдания; и самое важное – это вынуть стрелу.

И тем не менее, важно также понять причину нашей скорби, чтобы избежать ее в другой раз; важно также знать цель наших испытаний, потому что такое сознание укрепляет дух, делает его стойким в перенесении боли; ведь мы знаем, что самое тяжкое в страдании это его бесцельность. Не страшно страдание – только бы цель у него была стоящая, достаточная, великая!

Причина страданий

Теперь попытаемся определить – *что такое страдание?*

Страдание мы называем чувство неудовольствия, которое мы испытываем в том случае, когда действительность не отвечает нашим желаниям.

Под действительностью мы разумеем и внешние обстоятельства, например, бедность, болезнь, голод и холод, и наши нравственные действия, наши поступки, которые также нередко противоречат нашим желаниям.

Где же причины страданий?

Рассматривая вопрос глубоко и по существу, мы приходим к выводу, что источник страданий обычно

заключается в уклонении человека от законов природы, как физической, так и духовной. Или наши *желания* дурны, т. е. они противоречат действительности, и, говоря глубже – природе вещей, природе человека в ее должном, первоизданном, существенном смысле.

Или, наоборот, видимая *действительность* противоречит нашим хорошим желаниям, и мы страдаем таким образом из-за добра. Но это опять-таки потому, что самую действительность извратили дурные желания человека. Вот почему и хорошие люди должны переносить страдания от столкновения с искаженной, испорченной природой вещей.

Ибо, „всяк за всех виноват“: каждый из нас есть лишь звено в великой цепи бытия; и в жизни мы делим часто и незаслуженные горести, также как и незаслуженные радости.

Иногда, как мы уже сказали, наша собственная нравственная действительность, наши действия противоречат нашим высшим желаниям – „доброе, которого хочу, не далаю, а злое, которого не хочу, делаю“, и мы испытываем глубокое внутреннее страдание – мучение совести.

В конечном счете почти всегда мы найдем первопричину страдания в *грехе* (своем или чужом), в нарушении законов жизни, разъединяющем нас с Богом, людьми и природой¹⁾; ибо „грех есть беззаконие“, *ἡ ἀμαρτία ἐστὶν ἡ ἀνομία*. (1 Иоан. 3 гл. 4 ст.).

Какие же это законы?

¹⁾ Ср. мысль Фребеля в его книге „Воспитание человека“: цель воспитания есть воссоединение человека с Богом, людьми и природой.

На языке биологии и социологии – это законы жизни, сохранения рода и вида, общества и личности.

На языке этики – это законы любви, чистоты, справедливости и почитания того, что выше нас.

На языке религии – это заповеди Бога.

Здесь кстати сказать, что Библия в вопросе о происхождении и природе зла (*unde malum?* откуда зло?) существенно отличается от других религиозных учений, например, от древнеперсидского; в то время как последнее признает зло как *субстанцию*, т. е. как сущность, извечно и наравне с Богом существующую, Библия признает зло лишь как *отношение*; диавол – это бывший ангел, ставший к Богу в неверное отношение, противоречащее его первоначальной, доброй природе; таким образом, и метафизическое зло по Библии есть лишь свободное отклонение данного существа от своей нормальной природы.

Вопрос о *смысле страданий* связан, как мы видим, с одной стороны с вопросом о зле, а с другой стороны он примыкает к вопросу о *смысле жизни*, о том основном задании, для которого живет человек.

Этот основной закон жизни ²⁾ есть „обожение“ ³⁾ человека, раскрытие в нем и во всей природе божественного начала – так чтобы искра Божия, способность любви, мудрости и творчества, разгорелась в пламя, чтобы человек и мир насквозь стали солнечными, чтобы высшая жизнь духа охватила все бытие и Бог был „все во всем“.

²⁾ Более подробно об этом – в моей лекции „Смысл жизни“ (напечатана в 1950 г.). „Смысл страдания“, „Смысл жизни“ и готовящийся к печати: „Смысл красоты“ – составляют три части предполагаемой „Трилогии“.

³⁾ Выражение древне-христианской литературы.

Не о том же ли в соответственном смысле говорит и наука – натурфилософия, считающая, например, что основная цель природы (ее тенденция) есть завоевание солнечной энергии? (Физик Тиндаль).

И вот всякое отклонение от этого основного Закона и Смысла (Логоса) бытия рождает страдания.

И соответственно этому источником страдания является также отклонение от смысла *личной* жизни данного отдельного человека, от *его* жизненного пути, отклонение от своего призвания.

Библия говорит, что основной источник нашего страдания есть „изгнание из рая“, вызванное грехом неповиновения, отклонением от заданной нормы, – изгнание от Бога и от Божьей совершенной природы.

И с тех пор цель истории есть „возвращение в рай“. И мы вернемся в него лучшими, чем вышли из него: ибо мы вышли из него с познанием зла, а вернемся с победой над злом; вышли побежденными, а вернемся победителями. И в самом деле, разве вся история, весь коллективный труд человека, вся затаенная дума людей – не есть ли тоска о потерянном рае и стремление его возвратить?

Оставим теперь вопрос о *причине* страданий, а перейдем к рассмотрению вопроса о его цели, и прежде всего обратим внимание на его жизненные (прагматические) следствия – т. е., другими словами, спросим себя:

К чему приводит страдание?

Не дает ли оно благих плодов в жизни, и тем самым не оправдывается ли страдание?

Ведь вопрос о смысле страдания, как мы уже сказали, слагается из двух вопросов: почему? и зачем?

Посмотрим на жизнь сквозь призму нашего личного опыта.

Не признаем ли мы, что многие страдания в нашей жизни оказали на нас благотворное влияние и были для нас школой жизни?

Во-первых, страдание, неизбежно испытанное нами вслед за каким-либо нашим преступлением, *учит нас правде*, подтверждая наличность нравственного закона в жизни.

Я обидел человека; а вскоре и сам испытал горечь обиды, причиненной мне самому, может быть, другим лицом. Я пожалел дать нищему – а вскоре потерял на улице свой кошелек. Иаков обманул Исава, похитив у него первородство, а потом был и сам обманут Лаваном, подменившим ему невесту.

Царь Адони-Везек, после того как победители-евреи отрубили у него большие пальцы на руках и на ногах, сказал: „Семьдесят царей с отсеченными на руках и на ногах их большими пальцами собирали крохи под столом моим; как делала, так и мне воздал Бог“ (Суд.1).

В России в 1918-19 гг. жители богатого и плодородного Поволжья были равнодушны к голодным, приезжавшим из центра. По словам моего знакомого, там можно было умереть с голоду среди гор хлеба. Поистине оправдались слова: „Неурожай от Бога, а голод от людей“. Но в 1920 г. Поволжье испытало такой голод, что жители доходили до людоедства.

В жизни постоянно осуществляется закон: „чем кто согрешил, тем и наказывается“.

Эти страдания практически учат нас тому, чтобы мы не делали другим того, чего не хотим себе.

Они свидетельствуют нам, что в жизни господствует не нравственный хаос, но удивительный, стройный и строгий порядок, основанный на правде, которая рано или поздно скажется.

„Бог правду видит, да не скоро скажет“.

Иногда в жизни встречается видимое нарушение этого миропорядка, и сам пророк Давид впадает в затруднение при виде „благоденствия нечестивых“, людей праздных, беспечных и в то же время „умножающих богатство“.

„И думал я, как бы уразуметь это; но это трудно было в глазах моих, доколе не вошел я во святилище Божие и не уразумел конца их“ (Пс. 72).

Многие завидовали богатому сардийскому царю Крезу. Но мы знаем, что греческий мудрец Солон отказался признать его счастливым при его жизни, ибо, говорил он царю, о счастье человека можно будет заключить лишь по тому, каков будет его *конец*.

И действительно, Крез впоследствии был покорен другим царем, лишился всех своих сокровищ и даже был подвергнут мучительной смерти через сожжение.

Стоя на костре, он восклицал:

„О Солон, Солон!“

С другой стороны, невинно-понесенные тяжкие испытания Иова сменились внешним благоденствием, продолжавшимся до конца его жизни.

Так важно открыть и осознать нравственный строй жизни, хотя и ценою страдания, и ощутить себя в разумном мироздании (не в хаосе, а в космосе)! Поэтому

так понятно восклицание Давида: „Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим“.

Страдание очищает душу

Это утверждает еще книга пророка Даниила (11 гл. 35 ст. ⁴), затем греческий мудрец Аристотель и, наконец, наш великий писатель-патолог Достоевский.

Потребность человека в очищающей скорби так велика, что часто он сам ищет возмездия, наказания за преступление, лишь бы утолить свою совесть. Не это ли заставило Раскольников пасть на городской площади и всенародно исповедать свой грех, а затем раскрыть совершенное им убийство в полицейском околке?

Он с радостью идет в каторгу, чтобы внешними страданиями успокоить внутреннюю муку.

Этим, конечно, еще не достигается очищение души от *вины* в очах вечной Божественной правды, ибо это могла совершить лишь Голгофская жертва Христа („Кровь Иисуса Христа, Сына Божия, очищает нас от всякого греха“. 1 Иоан. 1. 7); но всё же этим добровольным страданием человек переплавляет душу и prepares ее для принятия высшего Божественного очищения, поскольку в деле искупления должно участвовать и усилие человека, свидетельствующее об искренности его покаяния. „Сотворите достойный плод покаяния“, – проповедывал Иоанн Креститель.

⁴) „Пострадают некоторые и из разумных для испытания их, очищения и для убеления к последнему времени“.

Страдание облагораживает человека

Далее, страдание является для нас источником огромных нравственных ценностей и положительных духовных приобретений: оно приводит нас к вере, любви и духовной силе.

Мы живем на этой земле для того, чтобы поработать над красотой нашей души, и жизнь есть огромная мастерская, в которой душа готовится для нового неба и новой земли.

Ужасы войны и революции, когда мы стояли лицом к лицу со смертью и лишены были всех привычных опор, многих из нас привели к вере в Бога.

„J'ai pleuré et j'ai cru“, – говорит французская писательница de-Staël.

„Через большое горнило сомнений моя осанна прошла“, – свидетельствует Достоевский.

Этим горнилом послужило и жуткое ожидание казни, когда он в 1849 г. стоял на эшафоте, и ужасы 4-летней каторги и жизни в „Мертвом Доме“, и тяжкая физическая болезнь (эпилепсия).

А не будь у него этой „осанны“, т. е. гимна *Христу*, у нас не было бы его великих произведений, где эта пламенная вера проливает лучистый свет в мрачные бездны карамазовщины, в адскую тьму „Бесов“, в глубины бездонной человеческой скорби.

Не было бы старца Зосимы с его пророческим, вселенским христианством, ни благоуханного образа Алеши, ни восторженного идеалиста кн. Мышкина – словом, у нас не было бы *великого* Достоевского. Мы не имели бы его проникновенной поэзии, которую можно назвать мистерией страдания, разрешаемой во Христе (подобно тому как и все его творчество может быть

названо „книгой о Христе“, согласно известному выражению, найденному в его записной книжке).

– Отчего ты, Лука, так мягок? – спрашивают одного из героев драмы „На дне“ (М. Горького).

– Оттого и мягок, что много меня мяли...

И разве мы не испытали того, как страдание делает нас снисходительнее к другому, воспитывает чуткость к чужому горю, понимание души человека?

Не потому ли ангел восхищает в рай душу Тамары (в поэме Лермонтова „Демон“)?

Она страдала и любила,
И рай открылся для любви.

И разве не самое ужасное – потеря способности любить?

Ведь ад и есть, по словам старца Зосимы, „страдание о том, что нельзя уже более любить“.

И не должны ли мы даже ценой больших жертв стремиться к стяжанию этого великого дара?

Нередко из страдания человек выходит крепче.

Оно закаляет его волю, являясь гранитным упором, при помощи которого развивается выдержка, настойчивость и энергия.

Деревянная Москва сгорела в 1812 г., но из пепла выросла Москва каменная.

Мальчик, найдя куколку, из которой усиливалась выбраться бабочка, стал ей помогать: он раскрыл куколку. Бабочка пошевелила крылышками, но увы! летать не могла. Для того-то и нужно было ей самой преодолеть свои оковы, чтобы укрепить свои слабые мускулы.

Так вредна бывает преждевременная помощь.

Замечательно, что человек гораздо труднее переносит свой успех – славу, богатство, внешнюю красоту, чем свои неудачи: первый легко может его испортить, сделать гордым, ленивым и потому слабым.

В частности, телесные страдания могут способствовать нашему нравственному освобождению, ибо – „страдающий плотью перестает грешить“ (I Пет. 4, 1).

Орлица бросает своих птенцов с родной скалы, из гнезда. Они усиливаются летать, кувыркаются и падают, но мать бросает вниз и в нужную минуту принимает их на свои мощные крылья.

Так она учит летать своих орлят.

Так Бог учит нас летать (так Он учил Израиля. Втор. 32) – ибо мы действительно созданы не для того, чтобы ползать в прахе земли, но летать⁵⁾, подниматься над всем, парить духом над плотью, быть одухотворенными, огнекрылыми... И в трудную минуту мы падаем, но не в бездну, а на распростертые могучие крылья.

„Человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх“ (Иов 5, 7).

Это нынешнее твое страдание, которого ты так боишься – оно впишет новую черту красоты в твою душу, в твой образ, оно чеканит твой идеальный облик „по образу Бога“ – только перенеси его!

Не бойся ударов великого резца, который отсекает от мрамора обломки, заслоняющие дивную красоту – ее зрит Своим провидящим оком Божественный Художник.

⁵⁾ Кто-то сказал, что наши руки – это остатки крыльев.

Страдание готовит к великому служению

Страдание не только делает нас лучшими, но оно вырабатывает в нас способность и других делать лучшими. Оно готовит нас к выступлению на большую арену жизни. Через эту школу прошел Иосиф, испытавший предательство и темницу, Давид - переживший гонение и скитание.

В этой школе нищеты, покинутости, одиночества, непризнания - люди получают новое сердце, делающее способными служить великому.

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул -

говорит у Пушкина пророк о пережитом им огненном преображении свыше.

Это крестный путь всех вождей, подвижников и праведников, которые умерли для человеческой славы, чтобы жить для Божьей славы, покончили с человеческими традициями и мнениями - и потом стояли против целого народа, как „медная стена“, „держали лицо свое, как кремень“.

„Сын мой, если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению. Ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, в горниле унижения“. И по той же причине Бог посылает ап. Павлу „жало в плоть“, чтобы он не возгордился, „не превозносился чрезвычайностью откровений“, но понял великую тайну смирения: „Сила Моя совершается в немощи“.

Страдание ведет не только к силе, но и к мудрости. Оно утончает взор, углубляет способность к откровениям.

Далее, чтобы звать людей к Богу, нужно воспитать в себе чистую, бескорыстную любовь к Нему, стяжать способность любить Его ради Него Самого, а не ради успеха или страха наказания или даже спасения.

„Хотя бы не расцвела смоковница, и нива не дала пищи... но и тогда я буду радоваться о Господе⁶⁾“, — такова вера пророка.

В Англии я слышал проповедника, слово которого было как огонь пополающий и как молот, разбивающий скалы. Позже я узнал, что жизнь этого человека представляет цепь испытаний, начиная с безвременной утраты самых близких людей. И тогда я понял великую истину: чтобы разбивать словом жесткую скалу человеческого сердца, нужно самому испытать, что значит иметь разбитое сердце.

И ведь не то страшно, когда сердце разбивается, а — когда оно превращается в камень.

Не в этом ли тайна вечного и непобедимого обаяния Христа? Потому Он и может сострадать нам в немощах наших, что „Он, подобно нам, искушен во всем, кроме греха“. Он Сам прошел весь путь человеческого страдания, „взял на себя наши немощи и понес наши болезни“.

⁶⁾ Авв. 3, 17. 18.

Непонятные страдания

Однако есть и непостижимые страдания. Часть их мы начинаем понимать лишь со временем. Часть их станет ясной тогда, когда откроется вся книга нашей жизни, все действующие в ней, подчас забытые, причины и цели, когда обнаружится „тайное нашего сердца“.

Иногда слушатель поражается диссонансами в музыке Вагнера, но терпеливое ожидание конца пьесы открывает дивные аккорды, которыми разрешается дисгармония, причем без последней они не были бы столь прекрасными. Это и заставило Мережковского выразить свою веру в мудрость Провидения такими словами:

„Через борьбу и хаос дикий,
Через страдание и ложь
Ты к гармонии великой
Народ измученый ведешь“.

Но все же существуют страдания, причину которых напрасно искать в наказании за грех; и также подчас непонятна их цель. Это страдания незаслуженные и потому непонятные.

Их тайна совершается в ином, потустороннем плане бытия. Они посылаются не в наказание, а для испытания.

О подобном испытании говорит книга Иова.

Сатана спрашивает Господа: „Разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его, и дом его и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада

его распространяются по земле. Но прости руку Твою и коснись всего, что у него – благословит ли он Тебя?“ Бог попускает сатане лишить Иова детей и всего богатства. Но после того „Иов встал, и разодрал верхнюю одежду свою... и пал на землю, и поклонился: „Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно“.

Так испытана была верность Иова. Так он одержал первую победу и этим оправдал человеческое достоинство, оправдал человека.

Тогда сатана просит более сурового испытания – унижительного и жестокого телесного страдания самого Иова. И он поражен проказой. Но и тут Иов побеждает. „Неужели доброе мы будем принимать, а злого не будем принимать?“ – восклицает он.

Этот род страданий вызван не грехом человека, но той тайной бытия, о которой говорит Достоевский: „Дьявол с Богом борется, а поле битвы сердца людей“.

Эти страдания даны человеку не по его вине, но – „да явятся не нем дела Божии“, и да оправдается человек, а следовательно, и создавший его Бог.

Победа добра в душе человека, его оправдание (апология) требует, чтобы человек свободно, бескорыстно предпочел и избрал правду и тогда, когда нет за нее никакой награды и даже, когда человек терпит невинное страдание. Ибо Христос – „возжелал свободной любви человека“ (как сказано у Достоевского в „Великом Инквизиторе“).

Этого испытания требует оправдание добра в мире, проблема нравственной свободы – и оно вверено человеку, ибо он-то и обладает свободой выбора в высшей мере.

Не продолжается ли это испытание и в наш век, только, может быть, в иной форме, сообразно духу времени? Снова приходит к престолу Бога дух отрицания – Мефистофель и получает позволение искусить человека нового времени, мыслителя, доктора Фауста. Ему дано коснуться уже *души* человека, отравив ее ядом сомнений.

Всю силу диалектики, ума, тонкой логики Мефистофель направляет против Фауста, в то же время подвергая его различным искушениям плоти.

И Фауст поддается – и в отчаянии хочет покончить с собой.

Но, в конце концов, и в этой борьбе высшее нравственное начало побеждает в душе человека, как это видно из второй части данной драматической поэмы – и как об этом свидетельствуют факты действительной жизни тех, кого мы называем великими и мудрыми, праведными и святыми.

Это горнило сомнений прошли гениальные ученые, открыто ставшие затем на сторону Бога и Христа.

Так через всю историю проходит это состязание, по временам разгораясь в мировую борьбу Христа и Антихриста. Вспомним ее отражение в литературе – у Ницше, Пшибышевского, Л. Андреева, Мережковского.

Устоит ли окончательно в этом испытании человек, благословит ли Бога, добро и скажет ли из глубин своего страдания, по слову Ивана Карамазова: „Прав Ты, Господи, ибо открылись пути Твои!“

Выйдет ли из этой борьбы за хлеб, свободу и славу *человеком*, т. е. существом, у которого *чело* обращено к *Вечности*? Восторжествует ли человечность, или „мещанство победит“ (по выражению Герцена)?

В этих вопросах выражается сущность многих испытаний, заданных человеку на протяжении истории.

Относительно таких страданий скорее можно уразуметь, *зачем* они происходят, чем *почему*, ибо причины их свершаются там, в потустороннем мире, и корни их уходят в запредельную, трансцендентную сторону добра, полную для нашего ограниченного ума тайн и антиномий.

И такие непонятные страдания Бог доверяет избранным, тем, которые в своей беззаветной любви к Богу способны невинно страдать, не спрашивая, почему и зачем, ибо они имеют дар – жить *верою, а не видением*.

Приятие страдания

Итак, вот каким образом освещается вопрос о смысле страданий, вопрос – отчего и зачем они происходят?

Они имеют свою действующую причину (*causa efficiens*) – а именно, уклонение от нормы и смысла жизни. Они имеют также свою цель, целевую причину (*causa finalis*) – возвращение человека к норме, к его истинному назначению, воспитание человека в бескорыстной любви к добру.

И поскольку причиной является уход от Бога, цель есть возвращение к Богу, а через Него к природе и людям, – и даже больше: обожение всего, чтобы „Бог был все во всем“. А это есть цель бытия, как уже выше сказано.

И таким образом смысл страдания осуществляется в том, что оно служит смыслу бытия вообще.

И потому есть такие люди, которые благословляют страдание и видят в нем красоту.

Они проникают в тайну слов Апокалипсиса:

„Кого я люблю, тех обличаю и наказываю“. (παῖδα-
γοῦω⁷) – наставляю, руковожу).

И потому, есть люди, способные благодарить за страдание: „Благодарим Тебя, Боже, что Ты посылаешь нам не одни только солнечные лучи – иначе мы превратились бы в пустыню; но Ты посылаешь нам также тучи и дождь, чтобы мы могли приносить плоды“.

И даже есть такие люди, которые боятся жизни без страдания. Лучше страдание, чем самодовольная, мещанская беспечность. Пусть оно будит нас от сна равнодушия и „окамененного нечувствия“.

Жизнь без страдания опасна, и „Бог, Который не наказывает нас, – это Бог, Который не занимается нами“.

Вероятно, этим объясняется факт, что некоторые люди сознательно ищут страданий.

Поэтому также Раскольников падает ниц перед Соней и говорит:

„Я не тебе... я всему страданию человеческому поклонился“.

„В страдании душа поэта зреет,
Страдание – святая благодать“,

говорит Жуковский (в поэме „Камоэнс“).

Так в Синайской рукописи, в „Добротолубии“, сказано, что выражение „Бог наказывает“ неприменимо к Богу (по крайней мере, в нашем человеческом, земном смысле).

Отсюда становится понятным также выражение бельгийского поэта Метерлинка:

„Хотя ангелы прекраснее людей, но в их очах нет слез“...

Однако, далеко не все люди побеждают страдание.

Многие бывают раздавлены им. У них оно рождает не хвалу, а хулу, не благословение, а ропот и проклятие.

И вот перед нами теперь практическая задача:

Как преодолевать страдание?

Истинная „мудрость о страдании“ (ее можно назвать патософией) заключается не в одном лишь анализе страдания и его объяснении (патология), а в умении его побеждать, мудро овладевать им. И в этом заключается одна из важнейших задач жизни, ибо принять жизнь значит принять страдание, и уметь жить значит уметь страдать.

Практически мы относимся к страданию двояко: или мы бежим от него, или его принимаем.

Первое отношение обнаруживает Будда: он сознает, что действительность дурна и желания дурны; он бессилен переделать то и другое, и потому он видит единственный выход в том, чтобы уйти от всяких желаний, от личности, от самосознания в нирвану (род небытия).

Этот путь есть бегство, уход от жизни, жажда безжеланности. Конечно, Будда сказал то, что он мог сказать, будучи только человеком и притом живя за шесть веков до явления в мир Иисуса Христа. Он пришел к убеждению, что жизнь глубоко испорчена

и искажена, что *этой* жизнью не стоит жить, и лучше не жить никакою жизнью, чем этой – и потому он проповедывал духовное самоуничтожение. И многие в наши дни, усталые от жизни, любят тон упадочной (для нашей эпохи) поэзии:

„Не лучше ль в тихой безжеланности
Уснуть, как спит ночной ковыль?“

Более грубое и легкомысленное бегство от страдания люди находят в стремлении минутным наслаждением заглушить горечь жизни (древнегреческое эпикурейство, гедонизм), забыться безумием „пира во время чумы“ или пляской на краю смерти...

Другое отношение к страданию есть его принятие.

„Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать“... говорит Пушкин со свойственным ему эллинским жизнелюбием.

Но и в приятии страданий еще не все разрешение вопроса. Можно тупо терпеть, стиснув зубы – а можно преодолевать и преображать страдание. Оно может быть камнем, давящим душу; но оно же может сделаться скалою, на которую мы станем, как на твердую опору. Может быть, мы даже овладеем тайной претворять этот камень в крылья, которые будут нас подымать?

И не в этом ли высшая мудрость, Божественное творчество жизни?

Вся мудрость в том, чтоб радостно
Во славу Бога петь.
Равно да будет сладостно
И жить и умереть!

(Мережковский)

Когда Иеремия, этот скорбный пророк, рыдающий о своем народе и ненавидимый этим народом за постоянные обличения, падает духом – он жалуется Богу: „Горе мне, мать моя, что ты родила меня человеком, который спорит и ссорится со всею землею... О, Господи... Ты знаешь, что ради Тебя несу я поругание. За что так упорна болезнь моя и рана моя так неисцельна, что отвергает врачевание?“

„Неужели Ты будешь для меня как бы обманчивым источником, неверною водою?“

Бог отвечает ему: „Если извлечешь драгоценное из ничтожного, – то будешь как Мои уста“ (Иер. 15), т. е. будешь обладать властью, творческою силой Божественного слова.

Вот эта именно способность – извлекать драгоценное из ничтожного – и составляет тайну всякого творчества, Божественного делания, теургии.

Не она ли в химической лаборатории природы на гниющих отбросах растит благоуханный цветок?

Не ею ли художник, взяв „презренное из жизни“, возводит его „ в перл создания?“ (Гоголь).

Не эту ли силу, в сущности, искали в средние века алхимики, называя ее философским камнем, который превращал бы грубые металлы в золото?

И она есть, эта сила, творящая изумруд из глины и алмаз из угля!

Но, поистине, „все великое входит в этот мир чрез врата страдания“.

Мы любимся жемчужиной, ее нежным матово-радужным отливом. Как она рождается?

В темных глубинах Индийского океана живет моллюск в своей створчатой раковине.

В раковину попадает песчинка, которая раздражает тело моллюска. Последний, в целях самозащиты, выделяет из себя перламутровую жидкость, которая обволакивает песчинку. Эта работа идет годами. Так рождается жемчуг, красота венцов и ожерелий. Так рождается всякая красота.

Но не всякое страдание способно ее произвести.

И потому, обращаясь теперь к переживаемым нами страданиям, мы должны прежде всего различить два рода их.

Страдания за неправду

Есть страдания за нарушение правды, те, которые вытекают из несоответствия действительности нашим дурным желанием. В этом случае – действительность хороша, но наши желания греховны.

Скупец сохнет от жадности, алкоголик изнывает, не находя возбуждающего напитка, жестокий человек ночей не спит оттого, что ему не удастся мечь, развратного человека мучит сжигающая его нечистая страсть. Ведь всё это тоже страдания.

„Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое“⁸⁾.

О, сколько их, этих мучеников во имя „учения мира“, как говорит Л. Толстой в своей статье „В чём счастье?“

Гораздо больше, чем за учение Христа, и гораздо тяжелее эти страдания, потому что они бессмысленны; они и не могут иметь смысла, потому что вытекают из нарушения смысла жизни, законов правды, любви и чистоты.

⁸⁾ Рим. 2.

Они происходят *от борьбы против Христа во имя греха*, против Смысла (Логоса) во имя бессмыслицы.

Их временный, относительный, отрицательный смысл (их противопоставление) состоит лишь в том, что они свидетельствуют об уклонении от истинного, вечного Смысла жизни и показывают, *как не надо жить*.

Так некогда Христос предостерег противившегося ему Савла: „Трудно тебе идти против рожна!“

Все эти физические и душевные болезни – лишь сигнальные огни, которыми природа оградила края зияющих бездн и топких болот, чтобы охранить человека. Это самозащита, иммунитет природы. И величайшее из этих страданий – скука, свидетельствует о высшем назначении человека, о том, что природа его души не терпит пустоты, и что этой пустоты не заполняют никакие, самые материальные фантазии, ибо „бессмертную душу может насытить только Бог“.

Эти страдания мы должны не терпеть, но устранить их, удалив их причину – грех. Всю силу священного гнева и непримиримого протеста, на который только способен человек, должен он обратить против этих поработителей души (гордости, жестокости, нечистоты), которые, обещая сладость человеку, подносят к устам его лишь „кубок смерти, яда полный“. „Печаль мирская производит смерть“, – говорит апостол ⁹⁾. Эти страдания не стоят ни одной слезы, ни одного вздоха. Поэтому – „свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех“ ¹⁰⁾, говорит Писание, и эти слова

⁹⁾ 2 Кор. 7, 10.

¹⁰⁾ Евр. 12, 1.

звучат навсегда, как призыв к тому глубокому духовному перевороту, который называется революцией духа.

Страдания за правду

*„Если страдаешь за дело – кайся;
если страдаешь незаслуженно – радуйся“.*

Но есть страдания иного рода – страдания *за правду*, за торжество любви, чистоты, послушания Богу, страдания за Христа. Здесь с высокими желаниями сталкивается враждебная действительность как в других, так и в нас самих. И чем выше желания, тем глубже может быть трагедия от разлада между ними и действительностью. *Это борьба против греха во имя Христа.* Это „печаль ради Бога, которая производит неизменное покаяние ко спасению“.

На пути нашем к правде стоят эгоизм, самоутверждение, грубая чувственность во мне самом, и я объявляю им борьбу, „томлю томящего меня“, как говорит Ефрем Сирин – по поводу аскетики одухотворения плоти. Эта борьба не цель моя, но неизбежный этап на пути к обожению. И поскольку эти препятствия со стороны моего я, плоти и людей мира восстают против моих высших желаний, я страдаю.

Но это страдание за правду.

Со стороны людей, не признающих Христа, я неизбежно должен терпеть гонения, насмешки, неодобрение всякой бескорыстной правды. Люди „не прощают добра“, как это ни странно. Люди распяли Христа, они гонят Его и теперь. „Зачем же Ты пришел

нам мешать?“ – говорит Христу Великий Инквизитор. „Ибо Ты пришел нам мешать и Сам это знаешь“.

В этом мире, где распят наш Господь, мы должны быть гонимы, если мы не в дружбе с этим миром.

Станет ли воин жаловаться на свои раны, если он видит своего полководца истекающим от крови на поле битвы? (Экхарт). Всякий, идущий за Христом без креста, не достоин Его. „Все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы“. Русский народ выражает эту мысль простыми словами: „Христос терпел и нам велел“.

И это так естественно. У нас с миром разные цели.

Мы боремся с грехом во имя Христа, – мир борется со Христом во имя греха. (Поэтому мы всегда будем для мира „эксцентричны“, а не „концентричны“, по выражению Друммонда, ибо у нас с миром разные центры.) Мы боремся с грехом в людях, боремся „с человеком за человека“ – и такая борьба не прощается не только со стороны духа тьмы, но и тех людей, которые „тьму возлюбили более, нежели свет“.

И более всего неизбежно страдание за самое важное – за исповедание имени Христа и Евангелия, словом и делом. Это наше „участие в страданиях Христовых“.

Вот в каких словах выражается апостольская, первохристианская вера, та, которая дала миру красоту мученичества:

„Как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий почивает на вас: теми Он хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадал кто из вас как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как

христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь... Итак, страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро“¹¹⁾). Эти страдания прекратятся лишь в Царстве Божием, когда оно явится во всей своей силе, – и именно для того, чтобы это Царство радости наступило, нужно страдать.

Отсутствие в нашей теперешней, земной жизни страданий за Христа, за правду – печальный признак, свидетельствующий о компромиссах, об уступках миру и плоти.

Страдание за Христа есть не тяжкая доля, а радостное преимущество. И потому апостол говорит:

„Вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него“ (Фил. 1, 29).

Только страдания за правду имеют смысл, ибо это – страдания за Смысл, за Логос, за Христа. Об этих-то страданиях сказал Христос: „Печаль ваша в радость будет“. „Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное“.

Как же нам отличать страдания за правду от страданий за нарушение правды?

Для этого мы должны внести в нашу жизнь высший образ (критерий) добра и зла, принять Того, Кто есть Смысл жизни, Кто сказал о Себе: „Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни“.

И в этом свете мы не только различим губительные страдания от благих. Как солнце имеет не только световые лучи, но и тепловые и химические, так и лучи Христа не только озарят своим сиянием, но и сожгут

¹¹⁾ 1 Пет. 4, 13-19.

очищающим огнем страдания за ложь, устранив их причину – темные, низменные желания, а страдания за правду они преобразят в радость и красоту.

Христос и страдание

В самом деле, не для того ли пришел Христос в этот мир, чтобы освободить человека от тяжести страданий?

Не в этом ли благая, радостная весть Нового Завета?

Вне Христа человек тщетно усиливался разрешить вопрос о страдании.

Как было уже сказано, учение Будды стремится устранить страдание через уничтожение желания в человеке; но этим оно делает человека бесстрастным, бесчувственным, безличным, т. е. вместе с страданием Будда устраняет и сознание и самую жизнь.

А Христос преобразует дурные желания в хорошие (ибо только дурные желания причиняют человеку губительное страдание). Он устраняет из желаний лишь их смертоносное жало – грех, самую же личность человека, его сознательную духовную жизнь Он утверждает.

Только наша поверхностная осведомленность может ставить Будду наряду со Христом. Вспомним хотя бы еще тот факт, что Будда ужасается перед лицом смерти. В Евангелии же смерть бежит от Христа. Христос не сказал ни одной погребальной речи. Когда он встречал похороны, Он просто их прекращал, воскрешая мертвых.

„Юноша, тебе говорю: встань!“ Такими словами пробудил Он умершего к жизни.

Страдание – есть основной вопрос человека, вопиющий к Богу: Христос – есть ответ Бога на этот вопль.

Вспомним программу Христа, как Он провозгласил ее в Назаретской синагоге:

„Дух Господень на Мне: ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу“.

Он принес Евангелие милосердия, мира и любви.

Люди всегда будут любить эту Книгу, потому что в ней они найдут отзвук на все человеческие печали – начиная от горьких слез отрешившегося Петра и кончая невыразимой скорбью Девы Марии (Mater dolorosa), стоящей у креста с сердцем, пронзенным мечем тоски о Сыне Своем. И, наконец, здесь мы встречаем превосходящие наш опыт муки Господа...

Ведь Он Сам прошел весь тяжкий путь человека, притом неся на Себе наши скорби без вины. Он родился в яслях и умер на кресте. Когда настало время Его рождения, не было места для Его Матери в гостинице.

Он испытал и долю „беженства“ во время бегства в Египет. Потом Он говорил о Себе: „Лисицы имеют норы и птицы небесные гнезда, а Сын Человеческий не имеет где главу приклонить“. Он плакал. В Гефсимании, находясь в борении, Он молился – „и был пот Его как капли крови, падающие на землю“. „Душа Моя скорбит смертельно“, – сказал Он в ту ночь ученикам.

И, наконец, на кресте Он пережил муки, которых мы иногда не поймем, муки Богооставленности: „Боже мой, Боже мой! для чего Ты Меня оставил?“

И потому – „как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь“.

И потому Он сказал и теперь говорит со властью эти слова, обращенные к страдающим всех времен – и к тем, кто страдает за грех, прежде всего: „Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо и бремя Мое легко“.

Что же дает Христос человеку, обремененному страданием за неправду?

Прежде всего Он дает „слепым прозрение“, т. е. научает отличать страдания за ложь от страдания за правду.

Он прощает вину, и этим освобождает от величайшей кары за неправду, от муки совести, и этим самым вновь соединяет нас с источником жизни – Богом.

Наконец, Он извлекает причину страдания – стрелу греха из нашего сердца, освобождает от власти греха тех, кто томится в плену своих низменных вождлений.

Он освобождает от страдания за нарушение правды, потому что дает свободу от порока, влекущего за собою тяжелые, мучительные последствия.

Поистине, Он влагает персты Свои в наши раны. Он до конца возлюбил человека, не только все человечество, но и каждого из нас, тебя и меня...

Библия дышит личной любовью Бога к человеку: „Любовью вечною Я возлюбил тебя“ (Иер. 31, 3). „Я назвал тебя по имени; ты – Мой“ (Ис. 43, 1).

Этими словами может быть выражена любовь Бога не только к Израилю, но и к каждой отдельной личности.

Теперь посмотрим, как Он помогает нам переносить, преодолевать и преображать те страдания, которые мы не можем отвергнуть, которые мы терпим не по своей вине, но со стороны зла и его сторонников или как следствие чужого греха (в сфере наследственности, влияния среды и т. п.).

Неверующие говорят нам: „Христос утешает вас *будущим*“.

Да, это правда. Верные имеют светлую будущность, простирающуюся и на посмертное существование и на всю вечность.

Мы знаем, что страдания наши кончатся.

„И это пройдет“, – как сказано о тяжелых испытаниях в Коране¹²).

И не только кончатся наши страдания, но и разрешатся в торжествующий аккорд. Плачущие не только перестанут плакать, „ибо отрет Бог всякую слезу с очей их“, но и утешается – утолением сердечной тоски, исполнением заветных желаний.

„Конец твой будет хорош“, – говорит Бог пророку Иеремии, переносящему несправедливые и жестокие гонения со стороны родного народа.

Однажды я ехал в поезде среди Альпийских гор.

Свинцовые тучи клубились над горной цепью, преграждавшей путь. Внезапно непроницаемый мрак окутывает нас. Это туннель. Верст восемь поезд идет под землей. И вдруг брызнули лучи, сгнула тьма, и мы вылетели в солнечный простор полей и лесов. Непогода осталась позади.

¹²) Эти слова были начертаны углем на стене в одной из тюрем, у двери, ведущей к месту казни.

„Не всегда будет мрак там, где теперь он огустел“ (Ис. 8, 22).

Чем тяжелей испытание, тем ярче „нечаянная радость“, которая приходит потом.

„Чем ночь темней, тем ярче звезды“.

Чем темнее ночь истории, тем ближе Утро вселенского рассвета.

После сумрака этого мира вспыхнет заря незакатного Дня, когда снова придет Христос, и на всей земле воцарится правда и любовь.

„Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его“.

„Там на небесах я снова получу свой слух“...

Это были последние слова Бетховена, оглохшего в расцвете своего музыкального творчества.

Болезнь, которая угнетала и уродовала нас здесь физически, оставит нас, как отстала при входе в рай та „желтая собачка“, о которой говорит русская терпеливая страдалица – неизлечимо больная Лукерья („Живые мощи“ Тургенева).

Правда Христа, за которую мы боремся, победит после всех победителей. И каждый из нас лично разделит торжество победы. Это наше будущее. Мы его знаем.

Будущее есть и у тех, кто борется против Христа за неправду – но какое? И они заботятся не только о далеком будущем, но и о завтрашнем дне, – и не эта ли забота отравляет их душу? И лишь „тот, кто с Богом, светло глядит вперед“ (Гоголь).

Но у нас есть и *настоящее*.

Мы принимаем страдание не как удары судьбы. Ибо верим не в слепую судьбу, а в Судию, в Того, Кото-

рый праведно *судит* и изрекает судьбу, и даже не в Судию, а в любящего Отца, из рук Которого мы принимаем испытания. Нужна ведь божественная „мера страдания“: ее знает только Бог.

И „Тот, Кто возлагает на нас бремя каждый день, Он же и спасает нас“. „Он причиняет раны, и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют“¹³⁾.

Он помогает нам переносить страдание, сообщая нам Свою благодатную силу. Вот откуда непобедимость и неутомимость верующего человека.

В то время как силы и самого сильного взвешены и измерены, силы верующего кто может сосчитать, если они заключены в Том, Кто сотворил вселенную, Кто не утомляется и не изнемогает!

„Утомляются и юноши и ослабевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе, поднимут крылья, как орлы“.

Вот где тайна неиссякающей силы и воли к добру у всех этих героев веры, начиная от Моисея и ап. Павла и кончая такими, как Ливингстон, который с компасом и с Евангелием в руках и в сердце пробивается через дикие леса южной Африки на расстоянии тысяч верст, окруженный враждой и клеветой со стороны работорговцев.

Они были среди людей одиноки, но никогда не были одни. „Не бойся, только веруй“. „Не бойся, Я с тобой“. „Око Мое над тобою“. „Не оставлю вас сиротами – приду к вам“, – говорил Христос Своим ученикам.

Молитва, как реальное общение с живым Богом, давала им постоянный приток силы.

¹³⁾ Иов 5, 18.

„Господь Бог помогает Мне, поэтому Я не стыжусь, поэтому Я держу лицо Мое, как кремень¹⁴⁾).

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко,
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Так говорит Лермонтов о силе молитвы, к которой он прибегает в минуты грусти. Молитва переносит сознание с маленького „я“ на великое „Ты“, поднимает над жалкой видимостью в духовный, необъятный мир, где царствует Бог (см. пс. 76, которым особенно укреплялся в минуты уныния друг обездоленных детей Георг Мюллер: в этом псалме уныние переходит в состояние ликующего восторга с того момента, когда душа человека переводит свой взор с своего „я“ на Бога).

Через веру в Бога человек находит пути к природе, этой великой утешительнице человека. Через Творца он приходит к общению с тварью.

Оскар Уайльд, будучи в тюрьме, под влиянием Евангелия уверовал в духовное, „мистическое“ начало в жизни, и в связи с этим он говорит в конце своего произведения „De profundis“:

„В обществе, как оно устроено – нет места для меня.

Но природа, чей нежный дождь одинаково орошает правых и неправых, имеет для меня деревья в горах, где я могу укрыться, и глухие долины, в чьем молчании я могу рыдать непотревоженный.

¹⁴⁾ Ис. 50.

Она увесит ночь звездами, чтобы я мог бродить в темноте, не спотыкаясь, и пошлет ветер завеять следы моих ног, чтобы никто не мог преследовать меня: она очистит меня в великих водах и исцелит меня горькими травами“.

Живая вера через молитву не только дает силу переносить скорбь – она претворяет *страдание в радость* силою любви.

Когда мы страдаем за любимое, то любовь заглушает в нас боль.

Чем больше мы постигаем любовь Христа к нам и Его светлый, совершенный Образ, тем сильнее загорается в душе ответная любовь, жажда жизнь свою отдать за Него.

И в особенности мысли о Его страданиях поднимают усталую душу.

Поэтому и говорит апостол: „Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими. Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха“. А ведь Он, „вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление“ ¹⁵⁾. „Я это сделал для тебя, что же ты сделал для Меня?“ – написано на одной картине Распятия Христа.

У креста, где Он распят, мы начинаем постигать тайну страданий, те проблемы, которые неразрешимы для сухого рассудка. Иван Карамазов в своем бунте против мирового устройства заостряет вопросы о несправедливых страданиях людей, а особенно детей, и спрашивает: „Есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело бы право простить?“ Алеша, вме-

¹⁵⁾ Евр. 12, 2. 3.

сто отвлеченных доказательств, напоминает ему: „Брат... Существо это есть, и Оно может всё простить, всех и вся и за всё, потому что Само отдало неповинную кровь Свою за всех и за всё. Ты забыл о Нем, а на Нем-то и созиждется здание, и это Ему воскликнут: „Прав Ты, Господи, ибо открылись пути Твои!“

Он напоминает о той любви, которую нельзя понять, но нужно принять... о той тайне Божественной Любви, перед которой „да молчит всякая плоть“...

Вчера я до утра читал Божественную повесть
О муках Господа и таинствах любви,
И негодующая совесть терзала помыслы мои:
Чего мы ждем еще? Какого откровенья?
Зачем же прячем мы под маскою сомненья
Клеймо порока? (Льдов)

И тот, кто принимал эту любовь и в ответ на нее отвергал себя, радовался страданиям и самой смерти за Христа.

В чаше наслаждений этого мира есть горечь на дне. Мир прикрывает свои приманки цветами радости, за которыми таится змея – и она рано или поздно ужалит и отравит смертельным ядом.

Между тем, в самых страданиях за Христа есть радость.

Недавно я видел в Дрезденской галлерее картину, на которой изображена смерть св. Севастиана.

Юноша привязан к дереву. Он пронзен стрелами, – но в глазах его, обращенных к небу, отражается одухотворенное спокойствие, переходящее в восторг. Любовь ко Христу превратила эти пернатые стрелы в крылья, и ими душа исторгнута ввысь. „Крепка, как смерть, любовь“.

Вот склоненная перед палачем юная Екатерина (там же, на картине Луки Кранаха). Она вся поглощена неземною радостью в ожидании перехода в небесный мир: удар меча разрубит последнюю преграду, отделяющую ее от лицемерия Небесного Жениха.

Такие факты происходят и в наши дни.

Несколько лет тому назад в одной деревне русской Украины группа молодежи проповедывала Евангелие.

Прибывший туда отряд анархистов-махновцев потребовал прекращения проповеди – и в результате неповиновения юные свидетели Христа были мученически убиты.

Одна из них, девушка 18-ти лет, по словам очевидцев, шла к месту казни с улыбкой восторга на лице. Показывая на небо, она как бы говорила: „Я иду домой“... Она была обезглавлена в числе других.

Наш современник, „Апостол Индии“, Сундар Син, который перенес самые ужасные страдания в Тибете и Индии за Христа, свидетельствует, что страдать за Христа – радость, что испытывая внешние муки, он „был на небе“.

Когда папа Урбан V выражал Екатерине Сиенской свое беспокойство о том, что, пожалуй, ему придется умереть мученической смертью от руки врагов – эта благочестивая и прямая женщина сказала: „Святой отец – вы не столь еще святой жизни человек, чтобы вам удостоиться мученического венца“.

Вот почему Гус с пением псалма восходил на костер: любовь превратила его в огненный престол.

Три отрока в пылающей печи остались невредимы – обгорели только веревки, которыми они были связаны.

Только в христианстве возможны такие слова, которые говорит ап. Павел:

„Нас огорчают, а мы всегда радуемся“.

„Я благодушествую в немощах“.

Однажды один из исповедников Евангелия в России отправлялся из Москвы после долгого тюремного заключения в тяжкую ссылку на далекий север. Его друзья пришли ночью на вокзал, желая хотя бы взглянуть на него в последний раз, так как свидание не было разрешено. Он увидел их издали, и, когда его вводили в вагон, он успел крикнуть им одно слово: „Радуйтесь“.

Поистине, верующий в Иисуса Христа, Сына Божия, „побеждает мир“ и умеет „извлекать драгоценное из ничтожного“.

Древний учитель Церкви Ориген, следуя скудным научным догадкам своего времени, говорил, будто жемчужина образуется в глубинах моря „от сорастворения молнии с водой“.

Применяя этот образ к Евангелию, мы поистине можем сказать, что Христос низвел с неба на землю молнию, огонь которой, сорастворяясь со скорбью человека, претворяет слезы печали в перлы дивной красоты.

Потому-то Франциск Ассизский говорил, что ангелы завидуют людям, так как им не дано страдать за Бога.

И потому Христос сказал: „Блаженны изгнанные за правду“, ибо за правду можно быть изгнанным лишь из царства лжи; и ведь никакая сила „не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе“.

„Страдай с благовестием Христовым силою Бога“, — пишет апостол из темницы своему юному сподвижнику Тимофею.

И те, кто переживал узы и темницу за исповедание Евангелия, знают по опыту, что со Христом и в тюрьме свобода, а без Христа и на воле тюрьма.

Сострадание

„ Кому повем печаль мою?“

Чтобы быть понятным людьми, достаточно иметь право сказать: „Я человек, испытавший горе“.

Но чтобы им поистине помочь, надо иметь право сказать: - „Я человек, нашедший радость жизни через Иисуса Христа“. (Ибо только через Иисуса Христа открывается радость совершенная.)

Ведь на страдание людей надо ответить состраданием.

Люди нуждаются не столько в объяснении своих страданий, сколько в утешении и сочувствии, которое может поднять изнемогающего и оживить его душу. Ведь страдание - это „рана, из которой брызжет кровь, лишь только к ней дотронется рука иная, чем рука любви“ (Уайльд).

В этом мире, на пути из Иерусалима в Иерихон, из горнего мира в дольний, лежит ограбленная разбойниками человеческая душа.

Чем ответим мы на ее стоны? Пройдем ли мимо, как тот священник и тот левит, которые спешили в Иерусалим и, может быть, ограничились тем, что сотворили молитву о страдающем?

Вспомним, что сделал милосердный самарянин.

Он возлил на раны несчастного елей и вино, отвез его в гостиницу и позаботился о его будущем.

Так нужен ей утешения, смягчающий боль скорбного человека нашего времени; может быть, это будет слово ободрения, может быть, только молчание, внимательное и чуткое отношение – потому что человеку иной раз нужно только рассказать, поведать, выплакать перед кем-нибудь свое горе.

На это способна нежная женственность, заложенная в душу человека. Она умеет сказать не суровое нравучение друзей Иова „тебя Бог наказал“, но слово участия.

„Жалеть человека надо“, каждого, и того, кто глубоко пал.

Ведь каждый грешный человек – „это тоже ты!“ (tat twam asi, как гласит восточное санскритское изречение, которое так любил наш судебный оратор Кони).

„Люби человека в грехе его“, – говорит старец Зосима.

Но именно человека надо жалеть и любить, а не грех его, – больного, а не его болезнь.

Поэтому прав был один писатель, который иронически воскликнул: „Добрые... Они мир погубили!...“

И не слышится ли еще в Ветхом Завете гневное обличение фальшивой доброты лжепророков, которые приходят с „мягкими словами“: „всё к лучшему!“ Так любят говорить и современные добродушные проповедники, которые, вместо того, чтобы решительно извлекать погибающих из болота греха, любезно „пожимают им руки“. Они забывают, что только „любящим Бога все содействует ко благу“¹⁶⁾.

Евангельская помощь возливает на раны не только елей, но и вино, чтобы предохранить от гниения, дезинфицировать. Это мужественная сторона Евангелия.

¹⁶⁾ Рим. 8, 28.

Оно утешает человека, но в то же время бичует его грех. Оно не противится злumu, но до крови сражается против зла, против греха. Оно соединяет женственную мягкость с мужественной твердостью, без которой первая вырождается в гибельную, расслабляющую сентиментальность.

Оно борется с человеком за человека.

Это не опиум, одуряющий человека, но подчас „суровая любовь“.

Христос говорит грешнице: „И Я не осуждаю тебя“... и в этой благодати елей. Но дальше Он прибавляет: „Иди и больше не греши“, – это вино, сберегающее от гибели.

„К одним будьте милостивы... а других страхом спасайте“.

Да, в этот мир, лежащий во зле и скорби, нельзя идти без Христовых вина и елея.

А со Христом можно идти и в самый вертеп разбойников, в долину скорби, можно жить в миру.

Часто одно лишь слово Евангелия, сказанное с верой, приносит силу и возвращает к жизни.

Помню, однажды умер в знакомой мне семье единственный сын: он утонул во время купанья. Мать, убитая горем, обратилась ко мне у его гроба с вопросом:

– „Скажите, мой Боря жив?“ – „Если б я утверждал это, что дадут вам мои убеждения? Но вот я напомним вам слова Самого Христа: „Бог не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы“.

Эти слова Христа поддержали ее веру и возвратили ей душевную бодрость.

В тюрьме я встретился с одним смертником, приговоренным за многократные убийства к казни. Его

звали Соловьем-разбойником (настоящая фамилия его была Соловьев).

Когда пропала надежда на помилование, обычная энергия стала покидать его. Страх перед будущим, тревога, сознание вины и заслуженности кары, что он признавал и сам, – стали угнетать его. В то же время он был безграмотен и почти ничего не знал из Евангелия. Я рассказал ему, как мог, о всепрощении Христа, воспользовавшись и тем, что на груди у него было вытравлено чернью большое распятие, – о помиловании блудного сына, о разбойнике на кресте. В последний раз я принес ему картинку, на которой был изображен Христос и припавший к груди его кающийся юноша. Я спросил его: „Кто это?“ – „Это Христос“... – „А другой кто?“ – „Не знаю!“ Я сказал: „Это – Соловьев!“ Тогда он взволновался, глаза его засверкали. Он схватил картинку, сжал ее в руке и воскликнул: „Это мой мандат. С ним завтра я пойду на смерть!“

Так Евангелие побеждает страх смерти.

Но оно же побеждает и страх жизни.

Там же был один интеллигентный человек, который сидел за отказ от военной службы по нравственным убеждениям. Требуя свободы, он объявил смертельную голодовку. Семь дней не ел и не пил. Пытался покончить с собой.

Мы вдвоем с одним добрым священником (оптинским иноком) старались его успокоить и ободрить.

Больше всего подействовало на него напоминание о престарелой старухе-матери, которая ведь не перенесет удара.

В решительную минуту, чувствуя непреклонность его решения покончить с собой (он уже пробовал крюк,

привинченный к потолку), я спросил его – обращался ли он к Богу в молитве?

Он сказал, что религия – это предрассудок, противоречащий его разуму. Я настойчиво просил его и оставил ему написанную на бумажке краткую молитву: „Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного“.

На другой день на прогулке (он имел силу еще гулять и беседовать, несмотря на полное истощение от голода) он был оживлен и весел.

„Я прочитал вашу молитву... признаться, больше по дружбе к вам. Вы с о. Георгием вчера сделали подкоп любви в моей душе“.

В тот же день пришло известие о его освобождении. Он стал принимать пищу, быстро поправился, нашел работу. Потом мы виделись еще несколько раз.

Дело, конечно, не в том, чтобы быть начетчиком и приводить лишь тексты из Св. Писания. Только живое Евангелие, переживаемое нами, спасающее и нас самих каждый день и каждый час, может звучать как живое, исцеляющее слово в наших устах.

Люди исстрадавшиеся и растерянные жаждут Евангелия радости, которое открывает нам совершенную волю Отца, жертвенную любовь Сына и благодатное веяние Духа Утешителя (Παράκλητος).

У Достоевского, в романах которого страдание является главным героем, именно сострадание, сопровождающееся благою вестью о Христе, приводит человека к новой жизни.

Так тяжелая, беспросветная трагедия „Бесов“ освещается в конце благостными лучами – словами Нового Завета, которые читает русскому атеисту женщина-книгоноша.

Христос исцеляет больную душу обанкротившегося русского интеллигента, одержимую темною силою, как некогда Он исцелил гадаринского бесноватого.

Соня жалеет Раскольникову и стремится пролить свет Евангелия в его мрачную душу.

И вот приходит час, когда повествование о воскрешении Лазаря озаряет радостью бедную каморку, где „убийца и блудница странным образом сошлись над чтением Вечной Книги“. Новая жизнь, уже загоревшаяся в душе Сони, своим отраженным светом согревает и Раскольникова.

И там и здесь чуткая женская душа выражает свое сострадание в том, что приносит упавшим духом спасающую весть о Христе.

Только с благой вестью претворения скорби в радость, злобы в любовь, зовущей на небесный пир Каны Галилейской, с вестью о воскресении Алеша Карамазов решается идти из монастыря в этот мир печали и слез.

Книга Слова Божия раздвигала стены шлиссельбургских казематов, где томились декабристы. Один из них, Батенков (в своих воспоминаниях), свидетельствует, что 20-летнее одиночное заключение не свело его с ума благодаря чтению Библии.

О русском народе

Россия проходит через великую школу страдания на своем историческом пути.

Еще Гоголь старался разгадать тайну русской души, выраженной в народной песне, „несущейся от моря и

до моря“. „Что в ней, в этой песне? Какая тоска рыдает и хватает за сердце?“

Годы тяжелых испытаний выявили смысл этой тоски.

Вся Россия лишь страданье,
Ветра стон в ветвях берез;
Но из крови и рыданья
Вырастает ожиданье
Царства Твоего, Христос! (С. Соловьев).

Достоевский предчувствовал, что „наш великий больной исцелится и сядет у ног Иисусовых, и будут все смотреть с изумлением“.

И он уже исцеляется через слово Евангелия благодатною силою Христа, Который один Своей чистой ризой покроет наши раны, Своим тихим светом озарит нашу тьму и благоуханной благодатью утолит нашу боль и томление по высшей, всечеловеческой правде.

Когда я думал о нашей эмиграции, о „России № 2“¹⁷⁾, о современном скитальчестве русской интеллигенции, мне вспомнилась вдохновенная речь Достоевского о Пушкине (1880). Конечно, эти мысли применимы в равной мере и к интеллигенции, живущей на родине, и к той, которая переживает „великое рассеяние“.

Достоевский говорил о беспочвенности русского образованного класса, оторвавшегося от родного народа и как бы рождающегося от книг.

Он называл этого русского скитальца горьким словом: „былинка – перекасти поле“. Он звал его, этого

¹⁷⁾ „Россия № 2“ – так называлась прочитанная в Москве несколько лет тому назад одна публичная лекция, посвященная русской эмиграции.

гордого, самовлюбленного эгоиста, смириться и послужить народной правде. А правда эта - „идеал русского народа - *Христос*“ (как говорит он в другом месте).

Без него мы всегда будем *эмигрантами* (или, лучше сказать, „мигрантами“-блуждающими) и на родине, как и все, кто потерял, отвергает или просто не знает эту святыню русской души, объятаю жаждою вселенской, вечной правды.

Вспомним, как многие из нас, скитаясь по пустыням разных теорий, вскармливали и атеизм и гордое человекобожие, которые потом дали столь горькие плоды в русской жизни.

И некоторые из этих скитальцев уже поняли *причину и цель* своего страдания, своей отчужденности от родного народа.

„Вот, Я увлеку ее в пустыню и буду говорить к сердцу ее“, говорит Бог устами пророка Осии о возлюбленном Своем народе.

Бездомность и одиночество заставили уже русского странника оценить священное и вечное в родной культуре и обратиться к ее духовным истокам.

В то же время, прикасаясь на пути своих скитаний к священному и вечному у других народов, русский человек расширяет свой подчас узкий кругозор до той всечеловечности, которая, по словам Достоевского, составляет русское призвание. Но в этой духовной встрече и Западная Европа воспринимает для себя новые духовные ценности, и таким образом готовится почва для будущего соединения (синтеза) восточного созерцательного христианства и западной деятельной религиозности в цельное, вселенское восприятие *Христа*.

Судьба русского народа имеет не только национальный, местный, но и всемирный смысл.

Россия представляет как бы пылающий дом, в котором огнем испытываются старые ценности. Но и Европа живет в этом же доме, только, может быть, этажем выше – и страдание русского народа имеет для него некий предостерегающий смысл.

Оно говорит о том, что ни материализм, ни теплохладное, буржуазное христианство не могут дать счастья человеку, – и зовет к христианству всецелому, вселенскому. Оно свидетельствует миру, что человек без Бога может создать только... страдание себе и другим, и этим дает потрясающий живой урок всем проповедникам безбожия и человекобожия.

Оно служит также предварением того последнего, апокалиптического испытания, о котором говорит Христос: „На земле будет уныние и недоумение народов; и море восшумит и возмутится; люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются“.

С каждым часом этот день приближается.

Усиливаются страдания за нарушение правды, усиливаются и страдания за Христа. Близится время последней борьбы – Христа и Антихриста, Смысла и Бессмыслицы, как предварение Дня Грядущего...

И еще много муки несет на себе русская душа за свою двойственность и неопределенность.

„О Русь! на тебя дух мести мечной восстал
За то, что ты стоишь немея
У перепутного креста –
Ни зверя скиптр подъять не смея,
Ни иго легкое Христа“.

Так писал еще при старом строе поэт В. Иванов.

Что делать?

Из всего сказанного о страдании вытекают определенные жизненные задачи, которые каждый может разрешить лично.

Через страдание жизнь говорит человеку:

Во-первых, рассмотри, за что ты страдаешь: за правду или ложь? несешь ли бремя этого мира и греха или благое иго Христа?

Во-вторых, свергни с себя страдания за бессмыслицу, за нарушения вечной правды и пойди не „за силой распинающей, а за Правдой Распятой“.

Отвергни свое „я“, источник дурных страданий, и обратись к Тому, Кто „взял на Себя наши немощи и понес наши болезни“, и Он

...наложит руки

И снимет волею святой

С души оковы, с сердца муки

И язвы с совести больной.

В-третьих, – понеси благую весть Евангелия плачущим и рыдающим:

Выходи к воротам
И фонарь пред собою носи;
Хотя погибни ты сам –
Но того, кто взывает, спаси!

(Ф. Сологуб).

Но ты не погибнешь от сострадания, а сам согреешься им, и через него углубишь благороднейшую сторону твоей человеческой природы – твое сердце.

Два брата ехали в санях в трескучий мороз.

На пути они увидели скорчившегося у дороги, замерзающего человека. – „Пойдем, поможем ему!“ – „Как бы не так!.. Это чтобы самим замерзнуть?“

Тогда первый вылез из саней и стал растирать несчастного. Долго он трудился, но от этого согрелся и сам. Когда он вернулся к саням, он увидел, что брат его мертв...

Практическое сострадание есть путь к разрешению и философской стороны постановленного вопроса.

Одна студентка рассказывала, что „капля милосердия“, оказанная ею ближнему, внутренне разрешила ей много трудных вопросов.

Ибо любовь есть источник знания, а не наоборот.

„Кто любит Бога, тому дано знание от Него“, – так учит Новый Завет.

Любовь к страдающему человеку ведет к откровению не только смысла страдания, но и смысла жизни вообще. Ибо в чем ином может прежде всего заключаться смысл жизни человека, как не в *человечности*?

Любовью моя осветилась душа –
И жизнь в красоте мне предстала,

так говорит русская романтика.

В то время как рассудок тщетно усиливается понять жизнь, — любовь *вводит* человека в жизнь, полную смысла, в свете которого становится ясным и смысл страдания.

Рождество Христово 1925 г.

